Ягужинский Павел Иванович. Помощник императора

Владимир Левченко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Всем нам хорошо известны имена исторических деятелей, сделавших заметный вклад в мировую историю. Мы часто наблюдаем за их жизнью и деятельностью, знаем подробную биографию не только самих лидеров, но и членов их семей. К сожалению, многие люди, в действительности создающие историю, остаются в силу ряда обстоятельств в тени и не получают столь значительной популярности. Пришло время восстановить справедливость.

Данная статья входит в цикл статей, рассказывающих о помощниках известных деятелей науки, политики, бизнеса. Автор подробно раскрывает всю значимость каждой исторической личности, дает представление о ее вкладе в деятельность мировых лидеров. Также читатели узнают о малоизвестных трудах и теориях, о личных достижениях каждого персонажа, что позволит создать целостный образ человека, сыгравшего немалую роль в мировой истории.

- Владимир Иванович Левченко
  -
  - Биография
    -

Владимир Иванович Левченко

Ягужинский Павел Иванович. Помощник императора Петра Первого

Ягужинский (Ягушинский) Павел Иванович [1683 – 6(17).4.1736, Петербург].

Вслед за неполнотой исторических ведений о Ягужинском идет их противоречивость. Лучший и самый дотошный российский историк В. О. Ключевский, живший на сто с лишним лет ближе к петровским временам, и тот сослагательно обставлял свое повествование о персоналиях того времени: «как рассказывали», «как гласит молва» и т. п.

«Петр набирал нужных ему людей всюду, не разбирая звания и происхождения, и они сошлись к нему с разных сторон и из всевозможных состояний: кто пришел юнгой на португальском корабле, как генерал-полицеймейстер новой столицы Девиер, кто ***пас свиней в Литве****, как рассказывали про первого генерал-прокурора Сената* ***Ягужинского****, кто был сидельцем в лавочке, как вице-канцлер Шафиров, кто из русских дворовых людей, как архангельский вице-губернатор, изобретатель гербовой бумаги, Курбатов, кто, как Остерман, был сыном вестфальского пастора; и все эти люди вместе с князем Меншиковым, когда-то, как гласила молва, торговавшим пирогами по московским улицам, встречались в обществе Петра с остатками русской боярской знати».*

Жена английского посланника леди Рондо, например, вспоминала о Ягужинском:

«Павел весьма красивый мужчина; лицо его, хотя не отличается правильностью, но исполнено величия, живости и выражения. В обхождении свободен, даже небрежен, и что в другом казалось бы недостатком воспитания, то в нем весьма естественно, так что никто не может быть им недоволен».

Владея такой свободой в обращении, что каждое действие его кажется как будто случайным, но имеет преимущество привлекать к себе взоры всех, и как бы ни велико было собрание, он кажется первой особой, одарен высоким умом, рассудительностью и живостью, которая так ясно выражается во всем, что составляет его характер. *«Если первый сановник империи*

поступает несправедливо, то он порицает его с такою же свободой, как и низшего чиновника. Теперь его особенно боятся высшие чиновники, потому что его приговоры хотя справедливы, но весьма строги и всех приводят в страх».

Что же касается самого английского посланника Рондо, то он о нашем герое высказывал прямо противоположные суждения. По его мнению, Ягужинский был напрочь лишен любых необыкновенных дарований, выглядел почти мужланом, и лишь придворная жизнь придала ему некоторую учтивость в обращении.

«В нем, безусловно, есть доброе сердце, – обьективничает посланец туманного Альбиона, – *если бы природная вспыльчивость, очень часто воспламеняема не умеренностью в напитках, не лишала его власти над рассудком, не побуждала ругать своих лучших друзей и разглашать самые важные тайны, а уж в расточительности он совершенно не знает разумных пределов».*

Высказывания супругов-дипломатов взяты из донесений английскому МИДу, направленных каждым по отдельности. В Англии Ягужинским интересовались как очень преуспевающим международным деятелем, **особой, приближенной к царю.**

С 1713 по 1722 годы Петр I неоднократно доверял ему **важные дипломатические миссии.**

Павел Иванович вел весьма непростые переговоры с королями Дании и Пруссии. За указанное десятилетие, как личный доверенный царя, принимал участие **во всех без исключения** европейских конгрессах. В том числе и потому, что владел английским, немецким, испанским и французским языками, не говоря уже о польском и литовском. Так что, отрицая заведомо любые дарования Ягужинского, сэр Рондо, скорее всего по каким-то причинам личного характера, был предвзят. Половина его оказалась (возможно, тоже по личным мотивам) более объективной. Ну, конечно же, Ягужинский был весьма даровитым человеком, иначе он просто бы не пробился из низов на столь головокружительные государственные высоты при русском престоле. Неоспоримый факт: после того, как Петр I стал императором (1721), иностранные послы донесли в свои страны, что генерал-прокурор Ягужинский – **второе лицо в государстве и по силе влияния и по собственному значению.**

Известно высказывание Петра о собственном народе: "*С другими европейскими народами можно достичь цели человеколюбивыми способами, а с русским не так: если бы я не* ***употреблял строгости****, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно*

теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей".

Поэтому вы не встретите в окружении императора ни одного человека из низших слоев тогдашнего русского общества, который бы не обладал государственным, административным, военным **или иным талантом.**

Доподлинно известно, что именно сам государь завез на Русь из Европы такую жестокую казнь, как **колесование, лично рубил головы** приговоренным к смерти, испытывал тягу к наблюдению мук и страданий, извращений в человеческой физиологии и психике.

Именно Петр положил начало знаменитой кунсткамере. Говорил своему лейб-медику Арескину: *«Я велел губернаторам собирать монстры и присылать к тебе; прикажи заготовить шкафы. Если бы я захотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду телес, а по уродливым нравам, у тебя места для них не хватило».* Еще в Москве молодой царь начал «коллекционировать» себе карликов. Числом боле десятка привез их затем в строящуюся новую столицу. Иногда заставлял меленьких человечков заниматься групповым сексом у себя на глазах. Любимца – сорокадвухлетнего карлика – хоронил с такой пышность, какой не всякий генерал удостаивался. Именно эти исторические фактам, которые **не часто извлекаются из архивов**, показывают на каком фоне осуществлял свои, как бы мы сейчас сказали, надзорные функции первый российский прокурор, каковы были **тогдашние понятия о законности.** Так, забаву Ромодановского с дрессированным медведем, который подносил кандидату чарку перцовой водки, Петр приспособил к «пользе дел государственных» – проверке кандидатов на государственные должности. Те, кто в объятиях медведя «накладывал в штаны», могли на царскую милость больше не рассчитывать. Ягужинскому уже в звании генерал-адъютанта тоже пришлось пройти это нелепое и унизительное испытание. К слову, **этот случай послужил Пушкину**, который петровские времена изучал особенно пристрастно, основой для описания сходной ситуации в «Дубровском». Павел Иванович, взяв из лап медведя чарку, залпом осушил ее, однако зверь не отпускал его. Тогда Ягужинский со всей дури врезал ногой медведю в пах и спокойно сел за стол. Слуги еле утащили разъяренное животное.

Петр от души посмеялся и повелел **присвоить Ягужинскому звание генерал-майора.** Он и раньше никогда не сомневался в храбрости и преданности Павлуши – как-никак знавал его с лета 1701года, когда молодой Ягужинский еще **числился в денщиках** у фельдмаршала графа Головина. А лишний раз Петр испытал

Ягужинского потому, что намеревался поручить ему дело первостепенной важности. Только что **вместо приказов были образованы коллегии.** На них царь возлагал очень большие надежды в **радикальном преобразовании промышленности, экономики и финансов** государства. Однако желаемого эффекта не получилось по многим причинам. А вот Павлу Ивановичу это-то как раз проделать и предстояло.

Подняв, словно коня строптивого всю империю на дыбы, царь **невиданно убыстрил движение людей, товаров, денег и идей.** Старое Соборное Уложение уже **катастрофически не поспевало** за поступью прогресса. Поэтому, являясь верховным носителем законодательной и исполнительной власти, Петр задумал решительно воплощал в жизнь законодательное переустройство страны. Всего за время монаршей деятельности Петра было принято 392 указа уголовно-правового характера (П. А. Кошель «История наказаний в России»). По некоторым подсчетам, примерно 300 из них разрабатывались при непосредственном участии **двух законоведов того времени**: князя Я. Ф. Долгорукого и **П. И. Ягужинского.** Это, прежде всего, так называемый Артикул воинский, содержащий в основном **нормы уголовного права.** Применялся он не только в армии, но и в граждански судах. В том артикуле вместо устаревших понятий – тать, воровство и других появляются термины, до сих пор применяющиеся в юридической практике: ***преступление, преступник.*** Разнообразнее и дифференцирование становятся наказания. Смертная казнь, как панацея от всех проступков, часто заменялась так называемой политической смертью (лишений всех прав и покровительства закона, виновный рассматривался как умерший) или вечной каторгой, телесными наказаниями кнутом и батогами, каторгой на короткий срок, исправительными работами на фабрике, заводе или в смирительном доме.

Вообще труд осужденных, и на том всегда **решительно настаивал именно Ягужинский,** стал в обилии вменяться на самых различных «новостройках». А во времена Петра их наблюдалось с избытком. К сожалению, приходится признать, что и умеренный юрист Долгорукий и прогрессивный Ягужинский являлись одинаково рьяными сторонниками смертной казни. Она, в том числе и по их настоянию, предусматривалась сто одной статьей.

Не зря же Пушкин написал: *«Начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни».*

С описываемых времен у нас категориально **оформились и такие юридические понятия, как дезертирство, уклонение от службы, нарушение устава строевой и караульной службы.**

Парадоксально, но за убийство и сон на посту предусматривалась одинаковая казнь – смерть. Должностные преступления: взяточничество, неупотребление властью, невыполнение обязанностей, подделка документов, фальшивомонетчество тоже именно тогда им выделены в отдельные статьи. С тем же финалом – смертная казнь. В 1720 году при деятельном участии Долгорукого и Ягужинского разработан и **вступил в действие Устав морской** – основа петровского законодательства, в котором сдержалось почти в два раза больше норм уголовного права, чем в Артикуле. **Они распространялись и на гражданских лиц.** Мыслил царь – и его помощники поддерживали всецело – свести русское Уложение со шведским (сравните сегодняшнюю тенденцию к приведению российского законодательства и судопроизводства к европейским и международным стандартам), но воплотить это в жизнь ему так и не удалось. А вот сделать надлежащие выводы из блестящей ревизии, учиненной Ягужинским коллегиям, у Петра хватило и энергии и настойчивости. Так 12 января 1722 года появляется императорский указ, ставший, без преувеличения, **знаменательной, этапной датой в истории государства Российского.** В нем определялись обязанности сенаторов, давались предписания всем президентам коллегий (**по нынешнему – министрам**), устанавливалась ревизион-коллегия (**нынче Счетная палата**), при сенате учреждались должности генерал-прокурора, рекетмейстера (приемщика жалоб на деятельность коллегий), экзекутора (ведающего хозяйством) и герольдмейстера (протоколиста).

С людьми, особенно на большие руководящие должности, на Руси испокон веков существовала объективная напряженка. То есть желающих порулить всегда было много, а достойных – раз, два и обчелся. Однако на вновь образованный им высочайший государственный пост генерал-прокурора кандидатура у него имелась блестящая. Тем же указом Петра I Ягужинскому определялся ближайший помощник, обер-прокурор Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев.

Это был типичный служака, выдвинувшийся из гвардейских офицеров более своей пронырливостью, нежели умом, хотя и глупцом назвать его затруднительно. А вот интриги плести умел. Да еще с учетом того, что ему сильно благоволила царица Екатерина – можно себе представить, каким заместителем «одарил» Ягужинского император. Но такова была у Петра **система сдержек и противовесов** при распределении государственных постов, чтобы один за другим – **глаз и донос.** Ягужинский начинал с методических толкований сенаторам того,

что им негоже *«кричать, браниться и драться по пустякам ничтожным».*

Через полгода пребывания на посту **«спикера Сената»,** он написал особое «Предложение», в котором мы находим все те же призывы и увещевания: не спорить, не ссориться чуть что, *«ибо прежде всего это неприлично для такого учрежденья».*

Сколько лет прошло, а **наши избранники – депутаты** в «Сенат» по-прежнему дерутся. Со временем Ягужинский установил в Сенате **твердый порядок рассмотрения дел.** После основного докладчика начинались толкования между сенаторами. Длились они, в зависимости от сложности проблемы, от получаса до трех часов. Затем начинались прения и голоса подавались, начиная с младших. А у Ягужинского всегда имелись под рукой часы, с помощью которых он умело регулировал «недержание речи». **Производительность работы Сената резко возросла.** Постепенно генерал-прокурор стал занимать ключевое и определяющее положение в государственном управлении.

Император однажды изрек: *«Что смотрит Павел, так верно, как будто я сам видел».* Это **высокое доверие** генерал-прокурор практически всегда оправдывал. Он никогда не волокитил никакое поручение Петра, что обычно было в крови всякого русского чиновника, какой бы пост он ни занимал. До наших времен не зря дожило присловье: не спеши выполнять приказ, может последовать команда «Отставить!» Павел Иванович, получив задание, уже через день-другой рапортовал о результатах. Особенно болезненно он воспринимал напоминания императора о его обязанностях по должности, как это случилось весной 1724 года.

Судя по большинству источников, на Ягужинского даже тень подозрения в мздоимстве никогда не падала. Правда, затруднительно при этом понять, как же Павел Иванович ухитрялся жить в роскошном дворце и держать столь шикарный экипаж-выезд, что его регулярно одалживал сам Петр I?

Петр ожесточился, видя, как вокруг него **играют в закон,** по его выражению, **словно в карты,** и со всех сторон подкапываются «под фортецию правды». Есть известие, что однажды в Сенате, выведенный из терпения этой повальной недобросовестностью, он хотел издать указ – вешать всякого чиновника, укравшего хоть настолько, сколько нужно для покупки веревки. Тогда блюститель закона, «око государево», генерал-прокурор Ягужинский встал и сказал: *«Разве ваше величество хотите царствовать один, без слуг и без подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее другого».*

Звучит, кстати, **очень современно!** Но каков Ягужинский:

перечить Петру – это не медведя по яйцам бить! Тут совсем иная отвага надобна. Ведь не мной же сказано, что русский человек издревле горазд спокойно смерть принять, но всегда оробеет перед большим начальником. Ягужинский по всей видимости всегда **отстаивал свою позицию в стычках с сумасбродным самодержцем**, который дубиной охаживал своих ближайших помощников, а отдельных даже зашибал до смерти. Недюжинной твердости и решимости требовало от Павла Ивановича и само исполнение его прокурорских обязанностей. Вот лишь несколько примеров.

Дворовый царицы Прасковьи Федоровны – вдовы царя Ивана Алексеевича (брата Петра) – Деревнин выкрал письмо царицы своему фавориту Юшкову. Пропажа сильно обеспокоила Прасковью. Юшков обвинил Деревнина еще и в воровстве денег. Дворового посадили в тайную канцелярию. Он вину свою отрицал начисто. Тогда царица решила самолично учинить ему допрос. Под предлогом раздачи милостыни арестантам она со слугами проникла в канцелярию и подвергла заключенного жестоким побоям.

Слуги ее в это время жгли Деревнина свечами, а потом облили его голову крепкой водкой и подожгли. Караульщики едва справились с огнем.

Дежурный офицер немедля сообщил о происшествии Скорнякову-Писареву, но тот, сославшись на недомогание, отказался вмешиваться дело. Доложили о скандале Ягужинскому. Генерал-прокурор немедля примчался и велел солдатам связать слуг царицы, а ее изолировать.

На поток угроз и гневное требование отдать ей дворового, Павел Иванович спокойно ответил: «Ничего хорошего, государыня, в том, что изволишь ездить ночью по приказам. Без именного указа человека тебе не отдам. А грозить мне, знаешь сама – напрасно воздух сотрясать».

В другой раз дело возникло еще более скандальное.

Петр как раз в это время находился в отлучке. Возвратившись, приказал Ягужинскому разобраться в склоке государственных мужей. Тот всех допросил, включая и своего заместителя. Итог таков – **Шафирова приговорили к смерти.** Голова его лежала на эшафоте, а секира пустилась рядом. Подканцлера затем отправили в ссылку под Новгород. Там он умер в нищете. Скорнякова-Писарева отстранили от должности, отобрали все жалованные ему деревни, но через некоторое время назначили смотрителем работ на Ладожском озере. Князей Долгорукого и Голицына наказали крупными денежными штрафами.

Меншиков с Ягужинским пережили императора.

По восшествии на престол Екатерины I, Павел Иванович, немало сделавший, чтобы посадить жену Петра на трон, представил ей обстоятельную записку ***«О состоянии России».*** Он писал, что сам мало чего добился, поскольку *«большая часть токмо в разговорах о той или другой нужде с сожалением и тужением бывает, а прямо никто не положит своего ревнительного труда».*

И хотя Екатерина благоволила Ягужинскому, но еще больше она любила Меншикова. При ней светлейший князь и генералиссимус создал для проформы Верховный тайный совет, а сам единолично управлял государством. Видя, однако, соперника в Ягужинском (еще Петру признавался: "**от души ненавижу его**"), услал того **полномочным министром при польском сейме**. При вступлении на престол Анны Иоановны **Ягужинский на волосок отстоял от смерти.**

Дело в том, что некоторые высокопоставленные сановники – «верховики» из тайного совета вздумали ограничить власть императрицы на манер английской королевы.

Поначалу Павел Иванович примкнул к ним, а потом необыкновенный политический нюх подсказал опальному генералу, что эта затея провалится. Он послал к императрице в Митаву своего камер-юнкера П.

Сумарокова (отца известного русского писателя) с инструкцией, как следует поступить, когда к ней придут посланцы от Верховного тайного совета.

На обратном пути Сумарокова арестовали и он «раскололся». **Ягужинского заточили в кремлевский каземат**, отобрав у него шпагу, ордена, все бумаги и драгоценности.

Жителям Москвы с барабанным боем сообщили, что Ягужинский арестован за письмо к императрице, содержание которого «противно благу отечества и Ее Величеству». Но в знак особой благодарности за оказанную помощь Анна Иоанновна пожаловала Ягужинскому сенаторское звание.

Какое-то время Павел Иванович вновь соколом воспарил в высях российского политеса, однако, был влет, что называется, сбит коварным монстром все того же политеса **Эрнстом Бироном.**

По свидетельству современников Ягужинский *«с радостью воспринял весть о назначении его послом в Берлин вместо ссылки в Сибирь».*

В Пруссии пробыл до 1735 года. Потом вернулся в Россию. Императрица пожаловала ему графское достоинство и назначила его кабинет-министром. Павел Иванович за свою долгую и

беспорочную службу был награжден всеми орденами Российской империи, многими «ценными подарками», островом на реке Яузе, огромным имением в Дерпте, большими денежными суммами.

Он умел и всегда жил на широкую ногу, слыл выдающимся кутилой своего времени.

Сам Петр отмечал дом своего ближайшего сподвижника, как «всегда веселья полна чаша». А в личной жизни счастья Ягужинский, похоже, не имел. Его первая жена Анна Хитрово была одержима патологической склонностью к распутству, безумным оргиям. Синод их развел. В конце концов лишившуюся рассудка женщину сослали в Переславль-Залесский монастырь. Ягужинский вторично женился на Анне Головкиной. Она тоже питала слабость к кутежам и танцам. С ней Павел Иванович, как и с предыдущей супругой, прижил сына и трех дочерей. Тот первенец умер, а сын от второго брака дослужился до генерал-поручика. После смерти мужа Анна Гавриловна вышла замуж за обер-гофмаршала М. Бестужева-Рюмина, с которым давно крутила шашни.

В 1743 году за участие в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны была наказана кнутом и с отрезанным языком сослана в Сибирь. Где и умерла. **Ягужинского похоронили в Невском монастыре.** На могиле его высечена надпись: *«В сем священном храме погребено тело в Бозе усопшего высокосиятель-нейшего графа, генерал-аншефа, российских орденов кавалера, генерал-прокурора, обер-шталмейстера и кабинетного министра Ея Императорского Величества, Самодержавицы Всероссийской, также конной лейб-гвардии подполковника, графа Павла Ивановича Ягужинского. Его сиятельство скончался в С. Петербурге 1736 года апреля в 6-й день, в начале 53-го лета славы и вечной памяти достойный жизни своея».*

Будучи третьим оком императора, Ягужинский прожил на земле ровно столько, сколько его «отец и кумир» Петр Великий.

Биография

Ягужинский (Ягушинский) Павел Иванович [1683 – 6(17).4.1736, Петербург], русский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, граф (с 1731). Сын органиста, выходца из Литвы. С 1701 служил в гвардии, состоял при Петре I, выполнял дипломатические поручения. В 1719 участник Аландского конгресса, в 1720-21 посланник в Вене. В 1722-26 и 1730-31 генерал-прокурор Сената, боролся с казнокрадством и другими должностными преступлениями. В 1726 – 1727 полномочный министра при польском сейме в Гродно. В 1730 участвовал в заговоре «верховников», однако позднее известил о нем императрицу Анну Ивановну и дал ей совет отречься от «кондиций», ограничивавших ее власть. В 1731-34 посол в Берлине, с 1735 кабинет-министр.